

**ШИЗО
ДЛЯ ТРЁХ АКТЁРОВ**

В двух частях

Узникам совести посвящается

Действующие лица:

Иванов Иван

Петров Пётр

Сидоров Сидор –

заключённые одной из лагерных зон строгого режима на Северном Урале, особо опасные государственные преступники.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рабочая камера, небольшой цех штрафного изолятора (ШИЗО). Стены цеха – нарочито грубо наляпанный бетон, серая бетонная «шуба», и это делает помещение похожим на мрачное сырое подzemелье. В задней стене массивная кованая дверь с «кормушкой», откидывающейся вовне. Справа небольшое оконце с форточкой; против обыкновения оно закрыто снаружи не дощатым «намордником», а всего только крупной стальной решёткой: в рабочей камере нужны и свет, и вентиляция... впрочем, сейчас раннее зимнее утро, и за окном пока ещё темно. Под левой стеной в углу – параша: должно быть, просто дыра в полу. Саму парашу не видно, её загораживает дощатая перегородка от пола до потолка, но в ширину настолько небольшая, что когда человек встаёт за неё, мы хорошо видим его спину (вообще следует сказать, что перегородка – театральная условность: в реальной жизни параша ничем не отгорожена). Перед перегородкой на той же стене умывальник с ржавой железной раковиной, не весьма свежее полотенце...

На переднем плане два станка – простенькие пневматические прессы для сборки мелких деталей какого-то электроприбора. У дальней стены на столе ещё один станок – метчик для нарезки резьбы на мелких деталях. Всюду ящики с заготовками и готовыми деталями – цех.

На авансцене столик – совсем небольшой, только чтобы (когда придёт время) поместился скромный тюремный обед на троих. Вместо табуреток у стола три круглые бетонные тумбы с деревянными кругами наверху. Да и сам столик – тоже холодный бетонный монолит...

Тишина. Темно, но не настолько, чтобы не было видно сцену...

Резко, громко взвыла лагерная сирена. Неразборчиво звучат отрывистые дальние голоса, похожие на собачий лай, а может быть, и сливаясь с собачьим лаем. Громкий металлический лязг открываемых замков, отодвигаемых засовов, скрип открывающейся двери. По внутренней трансляции: «Первый зашёл... Второй зашёл... Третий». В сумерках, как бесплотные тени, в камеру один за другим проникают трое заключённых. Дверь за ними с грохотом захлопывается, снова слышен лязг засова.

Опять звучит сирена. Голос по внутренней трансляции: «Начали работать!» И тут же вспыхивает и с шипением горит под потолком яркая холодная лампа.

Заключённые строгого режима все одеты одинаково: стёганные ватные бушлаты, под которыми чёрные хлопчатобумажные куртки с белеющими на груди справа бирками-именами; чёрные брюки из той же х/б ткани, на голове старые, не один год служившие шапки, на ногах кирзовые ботинки. Все стрижены наголо, и на первый взгляд неотличимы один от другого... но только на первый взгляд. **Петров** снял бушлат и шапку, сделал несколько подготовительных движений и застыл в одной из причудливых поз гимнастики йогов; пока будет так стоять, ни на что не реагирует. **Сидоров** тоже снял бушлат, но остался в шапке, зашёл за загородку параша и долго стоит там. **Иванов** подошёл к своему рабочему месту, делает осторожные, но безуспешные попытки наклониться к правому ботинку – видимо, мешают боль в спине. В конце концов с громким стоном выпрямляется, держась за поясницу:

Иванов (*Сидорову, который всё стоит над парашей.*) Ты рано разделся. Пар изо рта. Потрогай трубу.

Сидоров (*всё в той же позе*). Трогай – не трогай, труба холодная.

Иванов. Пытка холодом. Хотят, чтобы мы здесь дуба дали. Видел, у меня сегодня подушка к стене примёрзла?

Сидоров (*вышел из-за загородки, долго моет руки под умывальником*). Не видел, но подтверждаю: подушка примёрзла к стене.

Иванов (*указывая на Петрова*). Что это он? Вроде молитвы, что ли?

Сидоров. У каждого «гоги» свои боги. Пусть.

Иванов (*снова пытается наклониться и снова безуспешно*). А мне опять в спину вступило... В ботинке что-то мешает, а наклониться не могу.

Сидоров (*вытирает руки полотенцем*). Я тебе сто раз говорил: башмаки снимают каждый вечер перед сном. Надо было меня слушать.

Иванов. Это шутка такая?

Сидоров. Да так, ла-ла... Ностальгия... Всплывает в памяти то одно, то другое... Не обращай внимания...

Иванов. К левой ноге могу наклониться, а к правой никак...

Сидоров. Подними копыто. *(Помогает Иванову снять ботинок)*. Да, что-то ты, мой друг, совсем обветшал... А девушки тебе давно снились? Ты как-то говорил, одна в очках... Как её звали?

Иванов. Ты видел, я в последнее время и на парашу присаживаться мучаюсь.

Сидоров. Ох, что-то я сегодня проснулся сильно не в духе. Что-то меня сегодня сильно раздражает. *(Садится на рабочее место, начинает работать.)*

Петров *(вышел из йоги)*. Эта поза в гимнастике йогов называется врикасана или «поза дерева».

Сидоров *(эхом)*. Ах, дерева...

Петров. Да. Тонизирует кости скелета...

Сидоров. Скелета нам здесь не хватало... Господи помилуй...

Петров *(Иванову)*. Ботинки я всегда беру на размер больше. А то и на два размера. Тогда ноги можно газетами обернуть. Бумага хорошо держит тепло. *(Садится за стол, на котором установлен метчик, включает аппарат, начинает работать.)*

Иванов *(перевернул снятый ботинок, пытается встряхнуть мусор, заглядывает в ботинок... Петрову, наставительно.)* На ночь, голубчик, у нас тут ботинки

надо на бок класть, иначе мусор с потолка... Всё разрушается, всё сыпется. *(Ставит ботинок на пол и с трудом, но вдевает ногу, садится на рабочее место.)*

Петров. А вчера, когда мы уходили отсюда, трубы горячие были.

Сидоров. Скелет, постучи в кормушку... мол, так и так...

Петров. Не понял.

Сидоров. Вчера трубы горячие были, а сегодня трубы холодные стали. Сделай сообщение: мол, Волга впадает в Каспийское море.

Петров. Котельная общая на весь посёлок, так ведь?

Сидоров. Котельная общая на весь посёлок. Так ведь.

Иванов. Ка-казалось бы *(слегка заикаясь на этом слове)*, что тебе посёлок? Тут на пятьдесят километров вокруг ни одного приличного человека, только менты... мусора, их бабы, их выродки. Хоть кто и подохни, не заплачем. *(Начинает работать.)*

В дальнейшем большая часть реплик всех троих – за работой. Работа сопровождается короткими шипящими звуками, характерными для срабатывающих прессов...

Петров. Мусора, менты... Нет... ну, уж... так-то жестоко, может, не надо? Какие-никакие, а тоже люди. *(Кивает на дверь.)* Он ведь тут за дверью, всё слышит.

Иванов. Что не надо? Где тут люди? *(Показывает, выдыхая.)* Пар изо рта. Всё тепло на себя перекидывают. А на зону вот *(неприличный жест)*. Мы для них люди?

Сидоров. Зэка Иванов, возлюбил мусоров своих как самого себя... и подставь им обе щеки.

Иванов. Откуда цитируешь?

Сидоров. Евангелие от ГУИТУ – Главного управления исправительно-трудовых учреждений. Закон нашей жизни.

Иванов. Ты видел, у меня ночью подушка к стене примёрзла?

Петров. Это естественно: влажное дыхание конденсируется на холодной стене и превращается в иней.

Сидоров. Так... сегодня у нас день примёрзшей подушки. Таким он останется в исторической памяти человечества.

Иванов. Нет, ну, почему только... *(Некоторая пауза.)* Например, на завтрак была пшёнка.

Сидоров (словно цитируя кого-то.) «А на завтрак в тот день была пшёнка...»

Иванов. Чуть ли не на молоке...

Петров. Пшёнку лучше варить на воде, а молоко потом добавлять.

Сидоров. Всё! Это нестерпимо...

Петров. А прошлой ночью там в посёлке какая-то машина буксовала. Долго. Видать, прочно сел. Звук был такой высокий, жалобный.

Иванов. Обычное дело... Везли кого-то сюда к нам и не довели.

Сидоров (смеётся). Надо же... Ну ты, голубчик, даёшь...

Петров. Ты это мне?

Сидоров. Тебе, тебе, родимый... Звук высокий, жалобный... Я не спал и хорошо слышал: низкий, злобный, агрессивный звук.

Иванов. Тут сел в снегу – всё, кранты... А со станции везут – уже темно, дорогу не видят. Меня, когда сюда везли, я полно́чи в воронке коченел. А градусов под сорок было. Вот тут всё замёрзло (показывает на лицо). Хочу кричать: что ж вы, бляди, с нами делаете, – а рот не открывается, ме-ме-ме. Менты хочут, в тёплых тулупах, на меня пальцами показывают, им смешно, передразнивают, я для них зверь:

«Ме-ме-ме...» Всё... воспаление лёгких, неделю температура сорок: думал, конец, дуба дам.

Петров. Сорок – сакральное число! Сорок там – сорок здесь... живём среди сакральных чисел. В этом могут быть какие-то глубокие смыслы.

Сидоров. Думал... дуба... думал... дам...

Иванов. Вот радикулит с тех пор, нерв застудил.

Сидоров. Думал-дуба-думал-дам... Думалдуба-думалдам... Какая скороговорка замечательная. Актёрский тренинг... Думалдубадумалдам...

Петров (*встаёт, пытается поднять ящик с деталями, но понимает, что ему это не по силам; обращается к Иванову*). Будь другом, пожалуйста, помоги мне... (*Стукнул себя по лбу: сообразил.*) О, прости, пожалуйста.

Иванов. Извини, голубчик, не могу. Радикулит.

Петров. Да, да, это ты меня прости, я невнимательный. (*Сидорову*). Не в службу, а в дружбу, пожалуйста, если не трудно. (*Сидоров встаёт, помогает, садится на место.*) Спасибо большое.

Сидоров. Будь другом... пожалуйста... невнимательный... Ска-а-ажите, пожалуйста... Та-а-акой вежливый... Под психа косишь?..

Петров (*довольно жёстко*). Так. Ну, что тебе нужно, старче?

Сидоров. Если человек сильно вежливый – тютю-тютю, сю-сю-сю, то или гей-петушок, или... под психа гусей гонит.

Петров (*резко, грубо*). Ну ты, как тебя, маэстро, следи за речью, фильтруй базар...

Сидоров (*адресуется Иванову*). У нас в Барнауле на зоне тоже был один петушок. Зайка... Такой весь де-е-евочка... Вот он подсядет к такому же несчастному, к такому же зайке: «Ну пожалуйста... давай чем-нибудь поменяемся... пожалуйста, очень прошу»... Ему всё равно, чем меняться... «Давай шапками поменяемся... давай ботинками поменяемся... ну пожалуйста, будь добр». Своё хорошее отдаст, а чужое старьё возьмёт, рваньё... И счастлив, к груди прижимает... «Спасибо большое, ты очень добрый»... В конце концов увезли в психушку. Форма агрессивного психоза. Смотришь иногда: добрый человек... ан нет, это агрессия вежливости – болезнь... особенно среди интеллигенции.

Иванов. Кто сказал, что российская интеллигенция – полное говно? Я читал, но не помню, кто...

Сидоров. Никто не сказал – это и так все знают.

Иванов. Не-ет, кто-то сказал...

Петров. ОК, маэстро, твой message я принял.

Сидоров. Нет, что ты, наоборот... Это я так... вариант отношений: можно так, можно совсем иначе... Будешь косить под психа, на меня рассчитывай:

скажу, да, видел, он мыло ел... Ну просто страсть как люблю такие игры.

Петров (*всё так же жёстко*). А сам работаешь под идио...

Сидоров (*резко перебивает, поворачивается к Петрову*). Стоп! Вот это не надо: черту не переходи... Назад будет труднее...

Петров. И всё-таки...

Сидоров (*поворачивается, продолжает работу*). Что тебе всё-таки?..

Петров. Вижу, сильно залупаешься.

Сидоров. О, как... Проявляй иронию и жалость...

Петров. Да нет, чтобы понимать, с кем дело имею.

Сидоров. Я здесь то Гамлет, то Башмачкин... Тебе знакомы эти имена? А ты сам в какие игры любишь, шалунишка?

Иванов (*выбрасывает изделие*). Сплошной брак идёт. Всё старое, всё рушится, всё ломается.

Петров. В Чистополе, в тюрьме, мы сетки вязали. Всё-таки какой-то смысл, видишь результат.

Иванов. Ка-казалось бы.

Сидоров. Даже в театре абсурда есть свой смысл.

Иванов. Что здесь со смыслом?

Сидоров. Я вязал сетки. Это занятие надёжно превращает человека в животное. Рекомендация ГУИТУ.

Иванов. Вот смысл... *(Петрову.)* Ты, голубчик, знаешь, старайся-ка всё-таки нам не...

Петров *(перебивает, повышает голос).* Стараться?! Стараться что? У вас тут что: пресс-хата, что ли? Что бы я ни сказал, тут же... голубчик, гей-петушок, гога, шалунишка... Шуточки... старайся... Мы вроде по одной статье сидим. Или я что-то не понял?

Иванов *(перестает работать, но из-за станка не встаёт, поворачивается к Петрову).* Вот так раз... Что это ты взорвался?.. П-поза дерева... Ка-казалось бы...

Петров. Когда кажется, креститься надо...

Сидоров. Москвич приехал... крепкий московский характер... Грубиян! Москвичи, они – ого-го! *(Поёт.)* Московских окон негасимый свет.

Иванов *(поворачивается к прессу, продолжает работу).* Не знаю даже, что сказать... Профессор... не знаю, профессор ты или не профессор, но на зоне у тебя такая кликуха: профессор. Когда ты приехал... сколько? месяц назад?.. нам сообщили... вон через парашу из соседней камеры... мы через парашу все новости узнаем... бу-бу-бу, мол, профессора из крытой тюрьмы привезли... Диссидент... Интеллигенция, в общем...

Сидоров. Русская интеллигенция.

Иванов. Ладно, уважаем... Теперь тебя сюда, к нам закрыли... новое место... ка-казалось бы... мы должны тебе всё объяснить уважительно, обстоятельно, по порядку... я ведь, голубчик ты мой, простой работяга, детдомовские девять классов... Я не знаю, кто ты такой, что ты знаешь, что умеешь... Я тебе грубого слова не сказал... Ботинки советую класть, не ставить, это да... Что ещё?.. Вежливо, уважительно... Поживём – увидим... *(Усмехается.)* Давай, п-п-поза дерева... и успокоился...

Долго все работают молча. Короткие шипящие звуки срабатывающих прессов.

Сидоров. Ночью сегодня я с эстрады декламировал. Там, за зоной, в лесу... Сто девушек... почему-то я знал, что их ровно сто... а я голый, и член стоит... Холодно и... не то чтобы стыдно, а как-то...

Иванов. Одно и то же тебе снится... всё время: в лесу, на море, в пустыне – всюду... обязательно девушки и ты голый...

Сидоров. Да, одна была готова, и с ней даже вроде что-то началось... но сразу и закончилось.

Иванов. Слушай, ну, мало ли кому что снится... ка-казалось бы.

Сидоров. Но читал хорошо, с выражением... *(Как бы объявляет с эстрады.)* «Лесной царь», баллада! Кто мчится, кто скачет под хладною мглой? Ездок

запоздалый, с ним сын молодой... А дальше там: родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул... уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать... Ездок подгоняет, ездок доскакал... В руках его мёртвый младенец лежал...

Иванов. Что-то нескладно... Есенин лучше писал... Вот это, например (*Декламирует*)... Ты опять выходишь на дорогу в старомодном ветхом шумуне... Хорошо передал образ пожилой женщины...

Сидоров. Я читал «Лесного царя» на первом туре в «Щуку». Кто мчит, кто скачет под холодной мглой... Нет, не прошёл по конкурсу.

Иванов. По конкурсу ты сюда прошёл.

Сидоров (*поглядывая в сторону окна*). Как же поздно светает в этих широтах. Тоска...

Некоторое время все работают молча. Звуки работающих прессов.

Петров. Господи, какой позор... какой стыд... Затмение нашло (*жест рукой у виска.*) Ты, Иван, прости меня... Правда, затмение... Месяц назад в Перми на пересылке впихнули к блатным в пресс-хату... Я не сразу понял... нормальные ребята вроде... (*Сидорову.*) Один на тебя сильно похож был, ну прямо вылитый, тоже рыжий... Слово за слово... шуточки... Уж и руки в ход пошли... как отбивался, лучше не спрашивай... подумал уж всё, хана... и тут менты вваливаются: политический, на выход... ошибка, не в ту камеру...

Иванов. Обычное дело. В волчок за тобой наблюдали...

Петров. Менты забавляются?

Иванов. Это вряд ли. Как им приказали, так и сделали. Воспитательные меры.

Петров. А я испугался! Сколько там, полчаса или даже меньше, а впечатлений на всю жизнь... И здесь вдруг... что в голову вошло? Бред... в общем, извини.

Иванов. Бывает. Проехали. Первый день, привыкнешь здесь.

Петров. Ты видишь, я вообще... выбит напрочь... На сегодня свидание с семьёй назначено было... вот на сегодня... телеграмма от жены была, а меня – хоп! – сюда, и свидания лишили. В общем, как на волка свора собак набросились...

Иванов. Оклемаешься, здесь ещё не самое худшее.

Сидоров. Свидание какое?

Петров. Личное, трое суток. Жена, обе дочери... Вчера сняли с работы, завели в дежурку, вручили телеграмму: выезжаем, всё оговорено, трое суток вместе... Трое суток! Впервые-то за два с лишним года... И тут же, я ещё телеграмму перечитываю – хоп! – приговор: свидания лишить и на шесть месяцев сюда, в помещение камерного типа – ПеКаТе. Всё, пошли! Втроём обступили, повели!

Иванов. Обычное дело. Небось капитан Шипр? Приговор капитан Шипр зачитывал? Злобный карлик. От него всегда воняет одеколоном... не выношу...

Петров. Он самый.

Иванов. Садист, скотина... И улыбается... полон рот золота. Вон маэстро правильно говорит про него: сгнившее солнце во рту держит.

Сидоров (*смеётся*). Крокодил наше солнце проглотил.

Иванов. Тьфу (*содрогается от омерзения*).

Сидоров. В каждом театре абсурда есть свой смысл.

Петров. Теперь они уже приехали, уже здесь... Сколько отсюда до проходной – пятьдесят, сто метров?

Сидоров. В каждом, в каждом театре абсурда есть свой смысл.

Петров. Какой смысл? Что делать надо? Они – здесь... Протестовать? Кричать?.. Биться головой об стену?.. Умереть?

Иванов. Нет, умереть не дадут. Смерть избавляет от наказания, а тебе ещё сидеть и сидеть. Они ещё попьют твоей крови.

Петров. Объявлю сухую голодовку.

Иванов. Объяви... Кормить будут насильно: наручники, в зубы расширитель, воронка, шланг в пищевод – двое держат, третий вливает... будешь дёргаться, привяжут... сумеешь зубы сомкнуть, через нос будут кормить... ой, через нос совсем противно... да ещё и смесь плохо протёртая... боль невыносимая... Я пробовал, не советую.

Петров. Не знаю... Мороз под тридцать, а у младшей дочери лёгкие слабые.

Сидоров. Встань в позу «дерево». Это всё, что ты сейчас можешь. Я серьёзно говорю.

Петров. Ну да... у йогов есть ещё «поза мертвеца»... но я пока не умею.

Сидоров. Трудно, но надо как-то успокоиться.

Иванов. Да мы-то что, мы-то успокоимся.

Петров (*Сидорову*). Прости, что-то я часто срываться начал.

Долгая пауза. Звуки срабатывающих прессов.

Иванов (*взглядывает в окно*). Ну вот уж совсем светло, а ты жаловался. Утренний шмон сегодня запаздывает. Или ещё рано?

Петров (*тихо*). Я слышу, за дверью топчется и сопит. Сегодня что-то в сапогах, не в валенках.

(Принюхивается.) И перегар... даже сквозь кованую дверь...

Сидоров. Из-за двери тянуло одеколоном и перегаром... И всё! Художественный образ готов... Думалдубадумалдам... Ах, какой замечательный спектакль можно поставить...

Иванов. Кто о чём, а вшивый о бане...

Сидоров. Жестокий абсурд. Нет, правда, спектакль: закрытое пространство, четыре стены... одну можно убрать... три актёра и вокруг полный абсурд: время абсурда, территория абсурда... Стране абсурда – театр абсурда... Думалдубадумалдам – название театра.

Иванов. Не театр – зоопарк. Посмотрите, детки, здесь три зверя в клетке.

Петров. Театр абсурда давно вышел из моды...

Сидоров. Что ты! *(Показывает вокруг.)* А это что такое?

Петров. Но театр – это всегда ожидание чего-то. Всегда ждут какого-то события или какого-нибудь Годо... А здесь?

Сидоров. Вы не ждёте, потому что у вас нет воображения. А я жду. Жду и надеюсь, воображаю себе, как всё это замечательно произойдёт.

Петров. Произойдёт что?

Сидоров. Жду не дождусь.

Петров. Да чего же?

Сидоров. Каждое утро просыпаюсь с надеждой.

Петров. Ну?

Сидоров. Что – ну?

Петров. Да ждёшь-то ты чего?

Сидоров. Почему я – не только я, все ждут. Вся зона. И на других зонах, по всей великой нашей Родине.

Петров. Да чего же?

Сидоров. Да и ты ждёшь, но не хочешь себе в этом признаться.

Петров. Ну же, чего я жду?

Сидоров. Все ждём... когда он подохнет.

Петров. Кто?

Сидоров. Лесной царь.

Петров. Так... и кто же это такой?

Сидоров. Да тот, кто тебя здесь держит, кто над твоей семьёй издевается... кто вообще насаждает, поддерживает, охраняет в стране этот бред, этот

абсурд... кто всю страну в своё болото тянет... и топтит, топтит, топтит.

Петров. Понятно. Наивный романтик... А может, ты того... сам-то мыло не ешь?

Сидоров. Всё, всё, профессор... успокоились. Умей отличать театр от жизни.

Иванов. Ребёнок. Седые виски, а душа совсем детская. Я его за это и уважаю.

Петров. Нет, я ничего такого детского в нём не заметил, на меня набросился не по-детски, как отможенный блатной.

Сидоров. Да пошли вы оба...

Петров. Надо сказать, что перевод баллады довольно нелепый. Сначала с ним сын молодой, а потом младенец на руках, а это совсем не одно и то же... В немецком оригинале и в начале, и в конце просто дитя – Kind, das Kind – ребёнок.

Сидоров. У немцев может быть что угодно – это не про них. Это мы – страна Лесного царя. Под холодной мглой... здесь душно, здесь тяжело дышать...

Петров. Ладно, как-нибудь потом почитаем, проанализируем...

Долгая пауза. Звуки срабатывающих прессов.

Иванов. Пусть подох... и?

Сидоров. Что – и?

Иванов. Ну, подохнет он, и что изменится?

Сидоров. А пусть подохнет – тогда и посмотрим.

Иванов. Знаешь, на моём психо-тюремно-лагерном веку, за пятнадцать с перерывами лет, этих лесных царей... раз... два... нынешний – пятый. Блатных выпускали, да. А по политическим статьям – никогда никого ниоткуда – ни одного человека... Нет, нашему театру абсурда конца не видно...

Петров. Вообще-то, конечно, человек на что-то должен надеяться. Без надежды нельзя.

Иванов. Ка-казалось бы.

Сидоров (*продолжая работать, тихо, с обыденной интонацией, не сразу понятно, что читает стихи*). Нет, братцы... Отказываюсь – быть.// В бедламе нелюдей// Отказываюсь – жить.// С волками площадей// Отказываюсь – выть.// С акулами равнин// Отказываюсь плыть// Вниз – по течению спин.// Не надо мне ни дыр// Ушных, ни вещей глаз.// На твой безумный мир// Ответ один – отказ.

Иванов. Ишь как завернул... в старомодном ветхом шушуне... Что это вдруг?

Сидоров (*прекращает работу*). Всё. Перекур... Так, вспомнил, одна знакомая здорово читала. В юности я под эти стихи всегда напивался и плакал у этой знакомой на плече... Всё, успокоились.

Иванов. Успокоились.

Петров. Да я ничего... успокоились.

Иванов. Перекур для некурящих. *(Останавливает свой пресс. Встаёт, снимает и вешает на вешалку бушлат, из бокового кармана достаёт газету, возвращается на место, но газету не разворачивает: внимание привлечено действиями Петрова.)*

Петров. Однако тепло стало. О, труба горячая. *(Расстёгивает робу и начинает доставать из-за пазухи один за другим большие листы бумаги.)*

Сидоров. Смотри-ка, он фокусы показывает! Сейчас кролика за уши вытянет!

Иванов. Ты вчера уже спал, а я видел, как он упаковывается. *(Разворачивает газету, углубляется в чтение.)*

Петров. Письма от жены. Вчера четыре письма сразу выдали, Здесь уже. Ты же видел... Месяц придерживали и сразу четыре отдали.

Сидоров. И ты их ближе к сердцу.

Петров *(складывая листы)*. Бумага – лучший теплоизолятор. Я специально просил: пиши на больших листах и на мягкой бумаге... Вот где-то газетную достала.

Сидоров. Знаю. Но школьные тетради тоже годятся. Мне на барнаульскую зону одна заочница писала каждую неделю. Я на почки прикладывал.

Иванов (*не отрываясь от чтения*). Прикинь: школьница ещё.

Петров. Лолита? О, вот тебе и сюжет: Лолита и лагерник.

Сидоров. Ненавижу, говорит, ваших тюремщиков, а вы герой, как декабристы или как Павка Корчагин... Но как мне второй срок дали и сюда перевели, больше не пишет... Я и адрес новый посылал... Теперь мёрзну, на почки нечего положить.

Иванов. Мать, небось, застучала и ремня дала... Будь это моя дочь, я бы ей всыпал...

Петров. В гимнастике йогов есть «поза героя». Я тебе потом покажу, научишься. (*Аккуратно сложив письма, одно оставил, читает...*)

Сидоров (*протягивает руку*). Хочешь, с выражением вслух почитаю. Ребята на общей зоне иногда просили: особенно если от жены, от подруги. Мы, говорят, как артиста в кино тебя слушаем...

Петров (*сухо*). Спасибо большое, мне артиста в кино не нужно...

Некоторая пауза.

Сидоров. Ну, тогда сам – вслух. Хоть слово живое услышим – как там у них на воле?.. Мне теперь никто не пишет.

Петров. А родители?

Сидоров. Мать давно умерла, у отца другая женщина. Отец приехал, когда меня судили, подошёл ко мне, к загончику этому в суде: «Ты, – говорит, – мне больше не сын». – «А кто же я?» – спрашиваю. «Ты – диссидент, враг народа». И всё: ушёл, уехал... Ба-а-альшой патриот.

Петров. Прости, но как-то... извини... чужие письма не принято... Личное...

Сидоров. А что здесь личного? Всё общее. Камера общая, статья общая, судьба общая...

Петров. Да нет, Сидор, прости, что за странности.

Иванов. Вот прилип... Отстань от человека. Может, там семейные секреты.

Петров. Никогда и никому письма вслух не читал... Да, в общем-то, ничего особенного... почему нет? слушай. (*Читает*). «Милый мой Петечка, мне странно писать тебе письма, потому что ты всегда рядом, и я с тобой разговариваю, и слышу, как ты мне отвечаешь... Так мы с тобой и беседуем вечерами... Ты за нас не беспокойся, мы сильные и справимся...» (*Близок к слезам.*) Нет прости, оказывается, вслух не могу...

Сидоров. У твоей жены какой голос красивый.

Петров (*складывал письмо и не вполне расслышал*). Прости?

Сидоров. Когда искренне пишут, всегда голос слышать начинаешь.

Петров. Да. Мы однокурсники, с первого курса вместе...

Иванов (*с газетой в руках*). Вот! В Новой Зеландии четыреста дельфинов выбросились на берег. А? Им-то чего не хватало, ка-казалось бы?

Сидоров. Вот приеду в Израиль, напишу пьесу «Под холодной мглой», где весь этот абсурд...

Иванов (*неожиданно прерывает, взбешён, откладывает газету*). Всё, хватит! Не могу больше это слушать! Не-мо-гу! Утром просыпается: «Вот приеду в Израиль»... сел на парашу: «Вот приеду в Израиль»... перловку жуёт: «Вот приеду в Израиль»... Давай я тоже буду каждые десять минут: «Вот приеду в Америку»... (*Петрову.*) А ты куда приедешь?.. И что у нас тут будет? Дурдом... Не приедешь ты никуда... потому что отсюда ещё не выйдешь. Здесь живи.

Сидоров. Не бойсь, я-то выйду.

Иванов. Сильно сомневаюсь.

Сидоров. О себе беспокойся.

Иванов. Пока во сне всех зрительниц не перетрахаешь, точно не выйдешь.

Сидоров. Я же сказал, о себе беспокойся.

Иванов. Мечты, мечты, где ваша сладость...

Сидоров. Надо же, запомнил, девятиклассник... хорошая память – спасение недоучек.

Иванов. Не заносись.

Сидоров. Но запомнил неверно...

Иванов. Как же это?

Сидоров. В оригинале – менты, менты, в чём ваша радость... где вечная ей рифма – гадость.

Иванов. Ох, не будь высокомерным...

Сидоров. Бить будешь?.. *(Убеждённо.)* Вот приеду в Израиль.

Иванов. Нет, парень, таких, как ты, на волю не выпускают. Пообещал же тебе капитан Шипр: отсюда – в крытую тюрьму, а там найдут, за что новый срок дать... По той же статье, но часть вторая – и уже не строгий режим, а будет особый режим, «особняк» – вон, в километре отсюда, поглубже в лес, к твоему лесному царю поближе – «полосатые»: камера-одиночка, прогулочный дворик – два на три. И срок до десяти лет. И всё, затемнение, занавес... грим снять не успеешь – на кладбище... Там, кстати, близко, рядом. И успокаиваются там и артисты, и поэты... Местное кладбище – земля твоя обетованная.

Сидоров. Ладно, слышали, выключись.

Иванов. Ах ты поганец... Выключись... Меня многие выключить хотели...

Сидоров. Вы-клю-чись.

Иванов. Вот приеду... вот туда и приедешь... А Израиль подождёт... Если дождётся.

Сидоров. Вы-клю-чись, ненавижу антисемита!

Иванов. Это я антисемит? Я? Да ты... Ах ты русофоб поганый...

Петров. О! Слово русофоб изобрел Фёдор Тютчев сто лет назад. Он написал это...

Иванов. Да пошёл ты на хрен со своим Тютчевым.

Сидоров. Разнервничавшегося конституционалиста нашли акклиматизировавшимся в Константинополе... Вы-клю-чись.

Иванов (*превозмогая боль в спине, встаёт со своего места*). Я вот тебя сейчас по хлебалу твоему выключу... кансти... кунсти... (*не получается выговорить слово*) кинсти... цалист... тьфу.

Сидоров (*встаёт со своего места*). Предупреждаю, я владею дзю-до и могу сломать руку...

Петров (*смеясь, встаёт между ними*). Всё, ребята... Великого Тютчева не замай... Пожалуйста... Тютчева не замай... (*Показывая на дверь*.) Там зритель топчется от нетерпения, ждёт... Иван... ну, пожалуйста...

Всё. Позабавили, и хватит... Сидор, ну ты-то... Здесь же не уголовный лагерь какой-нибудь. Вы же не блатные, вы – политические, политзэки. Узники совести, имейте совесть.

Сидоров. Профессор, всё в порядке. Разве не видишь... это всего только спектакль. Вспышка. Актёрская разминка... Вот здесь накапливается. *(Рука к груди.)*... Разрядились малость.

Иванов *(чуть подумав, возвращается на место).* Обычное дело... Ладно, живи, маэстро...

Петров. Ну, вот и хорошо. Тютчев – великий поэт. Молчи, скрывайся и таи// И думы, и мечты свои... Я из Тютчева много знаю. Почитаю вечером.

Иванов *(Петрову.)* Ты вчера пришёл, а мы – вот так вот надоели друг другу... Стыдно, конечно... Сначала был с нами третий, Гарик Оганян, но он, как ты, наверное, слышал, повесился. Вот на этой трубе... И мы, считай, три месяца вдвоём. Каждое утро смотрю, как этот артист орлом на параше сидит и про Израиль поёт... Всё во мне закипает: где, где, где тут этот Израиль?.. Прости, сорвался.

Сидоров *(Петрову).* Невесомость чувствуешь? Нет? А я чувствую... Мы – космонавты: тренировка на совместимость характеров перед полётом *(свистит, взмах рукой)*... в вечность.

Иванов. Ладно, перекур закончен. *(Пытается начать работать, но это ему не удаётся.)* Вот те раз: на станки тока нет.

Петров (*пробует включить станок, убеждается, что нет тока*). Да, нет тока. Почему это?

Иванов. Да плевать... Бывает... Это их проблемы, не наши... А мы газетку читаем.

Петров. А бывало – дрались?

Сидоров. Да нет. Близко – бывало... но нет. Правда, как-то неделю целую не разговаривали.

Иванов. Ээки дерутся – менты радуются. Всё. Успокоились.

Петров. Успокоились.

Сидоров. Успокоились. (*После некоторой паузы.*) Интересно, что вы мне подарите на день рождения?

Петров. Когда это?

Сидоров. Уже завтра. Всех приглашаю. И первый юбилей... Пятерочка... Закрыли аккурат в день рождения, подарочек такой, это они любят... Завтра, завтра, завтра мне кореш подгонит сюрприз, и мы устроим весёлую вечеринку. Надо ломать последовательность унылых будней.

Иванов. А я почему-то думал, что сегодня.

Сидоров. Нет, двадцать первого.

Петров. Сегодня двадцать первое.

Сидоров (*назидательно*). Узник не должен терять чувство времени – граф Монте-Кристо предупреждал. Сегодня двадцатое. У меня тут свой календарь: как на парашу сажусь, каждый раз отметку делаю... а кишечник пока работает нормально. (*Разглядывает свои отметки на дощатой перегородке.*)

Петров. Здесь три графа Монте-Кристо, и сегодня двадцать первое.

Сидоров. Сегодня двадцать первое!

Петров (*начинает петь*). К сожалению, день рождения только раз в году...

Сидоров. Нет, погоди!

Петров. Днём раньше, днём позже...

Сидоров. Но тогда должен быть сюрприз. Сюрприз мне обещали подогнать... Послушай там.

Петров (*слушает у двери*). Вроде никого не слышу.

Сидоров. Да нет, встань, закрой волчок.

Петров. А в карцер кто пойдёт?

Сидоров. Не бзди. На секунду, как будто мимо проходил.

Петров (*прислушавшись, встаёт спиной к двери, широко раскинув руки*). Ну вот... Или, Или, лама савахфани...

Иванов. Красиво. Где-то я читал...

Сидоров (*нащупывает что-то в одном из ящичков с деталями, но наружу не вынимает*). Есть! Можешь отойти.

Петров (*продолжает стоять в позе распятия*). И вот завеса в храме разодралась и камни расселись... (*Отходит.*)

Сидоров (*счастливо смеётся*). Вот подогрел так подогрел!

Петров. Да что же там у тебя?

Сидоров. Будешь потрясён.

Петров. Ну же...

Сидоров. За обедом...

Иванов. Кто? Мераб?

Сидоров. Он самый.

Иванов. Каюсь, думал, не получится. Мераб – золотой парень.

Сидоров. Я всегда говорил: грузин еврею лучший друг.

Иванов. Ну да... а лучший друг России – армия и флот... Это я тоже читал, но забыл: кто сказал?

Сидоров. Никто не говорил. Эти понты и так все знают.

Петров (*прислушиваясь и принохиваясь*). Здрассти... Попка подошёл... Пропустил самое интересное.

Иванов (*напевает*). О дружбе мужской, о службе морской не петь нам сегодня нельзя...

Петров. А вот интересно, в тюрьме без уголовного жаргона можно обойтись? Понты, волчок, подогнал, подогрел... Не бзди... Ну что это... Чуть не подрались...

Сидоров. Ты чего, профессор? Ты ведь в крытой тюрьме провёл год, правильно я понимаю?

Петров. Ну?

Сидоров. Ты с Гариком Оганяном в одной хате чалился?

Иванов. С покойным Гариком Оганяном.

Сидоров. Нет, про самоубийц не говорят «покойный». Ему, бедному, и на том свете нет покоя.

Иванов. Я бы не считал его самоубийцей.

Сидоров. Нет, скажи, чалился?

Петров. Ну, было дело...

Сидоров. Так вот, Гарик на этом самом месте, где ты сейчас сидишь, с восторгом говорил: «Профессор... блатную музыку знает как настоящий арестант... авторитетный...» Как тебя на зону привезли, я прямо-таки ждал встречи: удача, кент из академии... программа «Хочу всё знать»... лексикой обогатимся, правильные понятия растолкует... И вот: тю-тю-тю, сю-сю-сю... Может, вас, профессоров, несколько, и он про кого другого говорил?

Петров. Да нет, всё правильно. Но я теоретик... ещё со студенчества, курсовую писал.

Сидоров. А я – практик. Три года на общей зоне... Ты вон не поправил меня и правильно сделал: в тюрьме не сидят, в тюрьме чалятся. А? И мы здесь чалимся. При-чал вечности... И новости у нас – через очко в полу... Представляешь, если в парашу: будьте так любезны, не сочтёте ли за труд подсказать... Вот точно скажут, под психа гонит...

Иванов. А кто это сказал: если в стране жестокая цензура, то вообще все новости через парашу приходят?

Сидоров. Никто не сказал, это всем очевидно...

Иванов. Нет, я читал где-то.

Сидоров (*Петрову*). Вот кореш подогнал мне подарок... Подогрел... И я никогда не буду спрашивать, как ему это удалось... менты, шмоны, стукачи... и даже спасибо не скажу. Но когда мы увидимся с Мерабом, я просто обниму его по-мужски, молча, и мы, два зэка,

два кореша, два пленника, грузин и еврей, вполне поймём друг друга... Подогрел. Душу мне согрел.

Иванов. Bravo, маэстро.

Петров. Вставь этот монолог в свою будущую пьесу.

Сидоров. Не нарывайся, профессор.

Иванов. Отстань от него, у него своих проблем хватает. Успокоились...

Петров. Ну, успокоились же.

Сидоров. Ладно, успокоились.

Иванов (*напевает вполголоса.*) На рейде большом легла тишина... Вот прилипла...

Сидоров. Тридцать три мне будет... Невесомость... (*Петрову.*) Что такое ЗНРС – знаешь?

Петров. Злостный нарушитель режима содержания.

Сидоров. Вот... Не в лагере... режим содержания у нас в стране... Злостно... За пять лет по лагерям меня два раза убивали. Один раз менты, другой раз блатные. И всё по больным почкам, по почкам... Теперь лепила на больничке в мои анализы смотрит и так вот головой качает, как китайский божок, и языком цокает... А жить-то, братцы, хочется... И теперь за каждый год – спасибо... А вот тридцать три чуть не пропустил... Актёр не должен забывать слова своей роли...

Иванов. Теперь вспомнил? Что дальше?

Сидоров. Вспомнил... «Дальше они вдруг запели»... песня-протест. Я свободный человек: хочу и пою! И плевать мне на режим содержания. (*Запевает.*) На рейде большом легла тишина... Любимая моего отца. Папа подводником был, и детство моё счастливое прошло в Одессе на Молдаванке... (*Поёт.*)

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:
(Иванов подхватывает, и они поют вдвоём в полный голос.)
Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море...

*С лязгом металлических запоров в темноту открывается кормушка, надзиратель из коридора палкой колотит в проёме кормушки, голос по трансляции: «Прекратить пение!»
Кормушка захлопывается – и вновь лязг запоров.*

Сидоров. Испортил песню, дурак.

Иванов. Ладно, успокоились.

Петров. Успокоились?

Сидоров. Да, конечно, успокоились.

*Полное затемнение и занавес.
Конец первой части.*